

причём не только пермская, не только российская, но и зарубежная — он ведь международная звезда авангардной композиции.

? В чём разгадка феномена Хубеева, как он смог появиться здесь, в провинции?

— Саша у меня занимался с 12 лет. Он уже тогда осознанно хотел быть композитором и занимался очень упорно — сочинял, сочинял, сочинял. Он очень упёртый человек и на протяжении нескольких лет — где-то с 16 до 18 лет — сочинял только прелюдии и только для фортепиано! Как вы знаете, существует 24 тональности, и он поставил себе задачу сочинить 24 прелюдии — во всех тональностях. Я безуспешно пытался его переориентировать на то, чтобы писать музыку для инструментов, на которых невозможно брать аккорды, — для флейты, для скрипки — всё бесполезно: только прелюдии, только для фортепиано, во всех тональностях.

И вдруг за полгода до окончания музыкального колледжа Саша стал «левель», и на выпуске у него была уже очень «левая» композиция. Затем он поступил в класс Александра Чайковского в Московскую консерваторию, но через год так «полевел», что у Чайковского не захотел заниматься и перевёлся к Юрию Сергеевичу Каспарову, тому самому, который вместе с Эдисоном Денисовым создал Московский ансамбль современной музыки. Это композитор очень авангардного направления.

НА ПЕРВЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ ЧТО-ТО ЕЩЁ НАСЛАИВАЕТСЯ И НАСЛАИВАЕТСЯ, И ПОСТЕПЕННО РОЖДАЕТСЯ МУЗЫКА

Саша успешно окончил у него консерваторию, затем аспирантуру, и с 2005 года он регулярно берёт мастер-классы у европейских композиторов, которые приезжают к нам на фестиваль современной музыки Sound 59. Видимо, капля камень точит: информация скопилась, и Саша сделал резкий рывок в сторону. Пошло совершенно другое развитие творческой личности. Конечно, Хубеев был в первой группе студентов Ака-

демии в Чайковском, тогда преподавали Пьерлуиджи Биллоне и Франк Бедросян — два светила современной музыки, и Саша с ними активно общался и даже, можно сказать, подружился. Английским языком он владеет безупречно. Начиная со второй Академии, он стал помогать нам с Дмитрием Курляндским, то есть был кем-то вроде сокуратора Академии. Он очень многому научился, и у него появилось множество контактов с зарубежными композиторами.

ТОЛЬКО ТЕХНОЛОГИЧЕСКИ ОСВОИВ МУЗЫКУ ЕВРОПЫ, ТЫ МОЖЕШЬ СЕРЬЁЗНО ЗАНИМАТЬСЯ КОМПОЗИЦИЕЙ

? Он ведь лауреат какой-то очень важной международной премии?

— У него очень много международных премий, а самая престижная — это победа в конкурсе Gaudeamus в Голландии. До него из российских композиторов в этом конкурсе выигрывал только Дмитрий Курляндский — а больше никто, хотя в финал ребята выходят регулярно.

? А вообще, трудно здесь, в глубинке, получать разнообразную музыкальную информацию, быть в курсе того, что происходит в сфере современной академической музыки?

— В принципе это непросто, но мы в Перми делаем всё, чтобы информация была доступна ребятам. Ведь Саша Хубеев не один такой: есть прекрасный композитор Леонид Именных. Он очень свое-

далее, и в каждой части присутствовало мгновение пустоты, тишины. Я сначала думал — технический брак, спросил Лёню, а он ответил: «Это вмешательство Духа Святого, а иначе никого бы не спасли».

Вот настолько интересные ребята! Ещё один интересный парень — Олег Крохалев, который учится сейчас в Московской консерватории у Владимира Григорьевича Тарнопольского. Он прошёл четыре Академии в Чайковском,

очень увлечён, прекрасно знает английский язык, стажировался в Америке. Недавно показал очень интересную пьесу — «Китайский дракончик».

? Мне очень нравятся ваши вещи, написанные на стыке острейшего авангарда и народной традиции: и «Молёбка», и «В пермском зверином стиле», и «Ожерелье саамских песен». Как вы выбираете темы для своих сочинений?

— Мне нравится писать о том, что у меня в душе уже устоялось, и говорить об этом новым языком. Чаще всего важные для меня вещи связаны с Пермью. У меня есть сочинение «Кама — бог любви», например. В нём — моё первое воспоминание о встрече с Камой. Я маленький-маленький, мне года три или четыре, сижу в лодке, а мой отец переплывает Каму. Мы плывём в лодке рядом с ним, и я думаю: неужели он утонет? Но отец — огромный, сильный — благополучно переплывает Каму. Или ещё воспоминание: как отец подарил мне маленький крейсер, мы его запустили в Каму, и вот он плывёт у берега. На первые воспоминания что-то ещё наслаивается и наслаивается, и постепенно рождается музыка.

Мне нравится, когда музыка связана с местом, где я живу, с чем-то личным, с тем, что ты пережил. Писатели считают, что писать надо о том, что знаешь. Музыка — искусство абстрактное, казалось бы, не должно быть связано с личным опытом, но мне близок этот писательский принцип.